

(12).01.04
(944)

Параджанов Сергей

12.01.04
944

9 января – 80 лет Сергею Иосифовичу Параджанову

Легенда о Серго

Георгий ДАВИТАШВИЛИ

Однажды в кинематограф явился властитель и поднял великое воинство. Помните, у Александра Дюма, в "Путешествии на Кавказ": шамхал Тарковский, потомок могущественного персидского шаха Аббаса, стоит одинокий на вершине горы, и взирает на то, что происходит в долине, внизу. И так – изо дня в день, из года в год, вечно. Абсолютно сновидческая картина. Русский потомок шамхала стал гением сновидческого кино и всегда будет стоять на своей вершине.

Сергей Параджанов – самый доблестный из всех его воинов. Возможно, все было по-другому, но так гласит легенда: почти сорокалетним увидел Параджанов "Иваново детство" юного Андрея Тарковского и понял, что он сам должен делать в кино. Согласно другой легенде, уже всемирно известного Параджанова спросили как-то, кто есть выдающиеся режиссеры в мировом кино? Параджанов ответил:

– Феллини, Бергман и я!
– А как же Тарковский?
– О, Андрюша?! Андрюша – это мой учитель! – отвечивал Параджанов.

Тарковский и Параджанов боготворили друг друга. Сам Тарковский относил Параджанова к числу пяти лучших режиссеров мира. Он не мог не восхищаться тем, как вдруг однажды его собственная, Тарковского, интенция обрела в Параджанове новое усиление, новый неслыханный смысл, и экран, нежданно-негаданно, залила стихия красных коней, и все стало иным, беспредельным, певучим, переполненным красками, звуками,

другому сновидцу Сальвадору Дали, наслаждаясь сновидческой формой, эту образность еще эпатирует. Если Тарковский уже родился сновидческим режиссером, то Параджанов им стал, сделав до этого аж целых семь картин, крайне невнятных с точки зрения жанра и формы. Этим и можно объяснить подспудное желание смеяться над вдруг открывшимся ему новым киноязыком и новыми ощущениями, приходящими с ним. Параджанов прежний, еще как бы латентный, словно все время подтрунивает над Параджановым новым, действующим, дабы не позволить последнему впасть в гильбертов пафоса и пошлость самолюбования. Однако важнейшее открытие Параджанова как режиссера состоит в том, что он первым в мировом

кино (не считая все того же Дали как кинематографиста) понял, что подлинный фильм всегда ни о чем. Я не оговорился – ни о чем. Фильм может содержать историю, фабулу, сюжет, героев, но никто и никогда, ни зрители, ни сам автор, не скажут, о чем подлинный фильм. Шедвр кино – это всегда сон, который можно описать, но который понять до конца невозможно. Параджанов выразил это на экране с невероятной убедительностью и блеском. Выпускники архитектурного факультета, мы посетили Сергея Иосифовича осенью 1984 года. Его тбилисская кварта

лась, ибо нечто необыкновенное сразу стало выдавать исключительность Параджанова – его глаза. Кажется, Пикассо заметил, что, чем гениальнее человек, тем шире поставлены у него глаза. Широко поставленные глаза Параджанова наполняли все сразу – надежда и грусть, счастье и безысходность, мудрость и безумие, лукавство и покаяние, высокомерие и покорность. Я стал понимать, кто передо мной.

Но едва я оправился от первого шока, как тотчас же испытал новый. Параджанов зажег в комнате свет, и в ее центре мы увидели огромный овальный стол, на котором творилось нечто неопределимое: Пиромани и малые голландцы, Рене Магритт и Арчимбольдо, мастера персидской вышивки и маркиза де Помпадур – все это разом соединилось в ослепительной щедрости натюрморта. При этом все, что лежало на столе, было до боли знакомо: фрукты, посуда, графины с напитками. Только сейчас казалось совершенно иным, неправдоподобным: под восковыми свечами, сидя на изгибах серебряных канделябров, дурачились разодетые в кружева куклы, отражаясь розовыми мордашками в кривом зеркале большого самовара, крышку его покрывал расшитый парчой и увитый цветами колап с восседающей на нем другой куклой – беспечно моргая глазами, она глядела то на рубиновое вино, искрящееся в изысканной красоте графинах, то на огромные ломти дынь и арбузов, то на налитые грозди белого и черного винограда, то на невозможных размеров яблоки, груши, персики и, конечно же, гранаты, что на дорогом фарфоре громоздились друг на друга, собираясь в диковинных рыб, райских птиц и в новых дурашливых кукол. Параджанов заметил, какое впечатление производит на нас стол, и не без хвастовства пояснил:

– Это я жду в гости Эльдара Шенгелая. Он делает мою выставку в Доме кино, там будет восемьсот работ. А вы угощайтесь, ребята, ешьте фрукты.

Он повел нас в другие комнаты и стал показывать коллажи. От переизбытка впечатлений в какой-то момент мне ста

нами. То были "Тени забытых предков". Потом все остановилось, оцепенело и нехотя поплыло внутри себя, точно персидская миниатюра. Это был "Цвет граната". Будто кровь шамхала, потомка великого перса, теперь проникла и в армянские жили тбилисского парня Серго Параджанова.

Но если Тарковский говорит с нами языком снов, оставаясь совершенно серьезным, то Параджанов, подобно

кино (не считая все того же Дали как кинематографиста) понял, что подлинный фильм всегда ни о чем. Я не оговорился – ни о чем. Фильм может содержать историю, фабулу, сюжет, героев, но никто и никогда, ни зрители, ни сам автор, не скажут, о чем подлинный фильм. Шедвр кино – это всегда сон, который можно описать, но который понять до конца невозможно. Параджанов выразил это на экране с невероятной убедительностью и блеском.

Выпускники архитектурного факультета, мы посетили Сергея Иосифовича осенью 1984 года. Его тбилисская кварта

– Этот жилетик я за 5 рублей купил сегодня у дворника Або. Какой изумительный цвет, не правда ли?

Очень скоро мое недоумение по поводу внешнего вида режиссера рассея

Экран и сцена

Параджанове

ло не по себе, закружилась голова. Впечатления превышали всякую меру восприятия. Он показал нам огромную рыбу, склеенную из осколков битого термоса, которые при нас же продолжил клеить на покрытое паутинами трещин зеркало, приговаривая с непосредственностью волшебника: "Видите, видите что получается..."

Сергей Параджанов родился и вырос в семье тифлисского антиквара. Надо полагать, так он и стал певцом той забавной и причудливой городской субкультуры, которую подарило Грузии столетие ее умиротворенной жизни под сенью русского Престола. Но в силу своего таланта Параджанов придал ей вселенское значение, сделавшись в собственном лице неким Вавилонским столпотворением искусств. Соединяя несоединимое, он словно пытался путем искусства преодолеть последствия вавилонского греха, в буквальном смысле воссоединить Восток и Запад, примирить созерцательность с деятельностью, покой с бурей и натиском. По крови и характеру армянин, по месту рождения грузин, по вере православный, по языку русский, по родству украинец, по пластике своего искусства перс, голландец, француз, испанец, японец и индус одновременно — Параджанов встроил в себе все, что смешалось в Тифлисе XIX века, смешалось зримо и осязаемо в многочисленных антикварных лавках, коими был полон когда-то старинный город. Торжество невозможного в форме — вот удел Параджанова.

В искусстве Параджанова стирается грань между народным, фольклорным и элитарным, аристократическим. Все становится всем. Обретает новое качество, обращается новым фольклором, в то же время оставаясь высоким искусством для избранных. "Красивого должно быть мало", — будучи уверенным в своей неподражаемости, любил говаривать сын тифлисского антиквара. При этом он же, ничего не прося взамен, мог с царственным великодушием подарить любому из коллег-режиссеров свою гениальную подкачку, в чем также проявлялись его аристократизм и простота одновременно.

Это сделалось уже общим местом в рассуждениях о Параджанове, но нельзя не вспомнить еще раз, что подобно герою "Цветов граната" ашугу Саят-Нове, сочинявшему песни на трех языках — армянском, грузинском, азербайджанском, — и сам он, режиссер Параджанов, создал три фильма на трех языках: "Цвет граната" на армянском, "Легенду о Сурамской крепости" на грузинском, "Ашик-Кериб" по сказке Лермонтова на азербайджанском. И в каждом фильме Параджанов предстает полноправным носителем этих национальных культур, их неотъемлемой частью. Остается только гадать, какими бы получились фильмы "Дремлющий дворец" по мотивам пушкинского "Бахчисарайского фонтана", или "Чудо в Оденсе" по мотивам сказок Андерсена, или "Intermezzo" по мотивам новеллы столь милого сердцу Параджанова украинского писателя Коцюбинского. Любовь Параджанова к самым разным культурам, их народным корням, переплавленная в неповторимую параджановскую поэтику, открылась бы в этих несозданных фильмах новыми красками его безграничного таланта.

Измученный каторгой и творческим простоем, позорно оболганный, истерзанный людской ненавистью и завистью, больной сахарным диабетом старик, он едва сдерживал слезы в своих последних интервью. Голос старого человека понимала дрожь, его душили слезы — слезы от той страшной, хуже каторги, мысли, что большинство из задуманного уже никогда не увидит свет. Невыносимо горько смотреть эти интервью. Гений, у которого вселенское зло украло полжизни. И когда я читаю его сценарии, эти настоящие шедевры русской словесности, к моему горлу тоже подступают слезы. От восторга и горечи, что никто и никогда не снимет это ни на что не похожее кино...

В 1996 году я поехал в Ереван, чтобы сделать фильм "Этюды на тему Параджанова". И тогда мне вновь, как и в тбилисской квартире Сергея Иосифовича, довелось вплотную прикоснуться к рукодельному творчеству режиссера, к тому времени уже пять лет как ушед-

шего из жизни. Мой получасовой фильм мы делали вместе с кинооператором Альбертом Явуряном, снявшим последний фильм Параджанова "Ашик-Кериб" и начавшим неоконченную "Исповедь". Была зима, в Ереване не было отопления. От постоянного контакта с работами Параджанова (я переносил их с места на место, отбирал лучшие) в какой-то момент мне вдруг стало казаться, что все эти коллажи мог бы собственными руками сделать я сам. Но сколь же обманчивым было то мое ощущение. После, отсматривая снятый материал в Москве, я еще большей остротой понял всю неисповедимость творческой мысли Параджанова. Мало того, только сейчас, спустя семь лет после работы над фильмом, я начинаю догадываться, почему мой герой, Художник, воображению которого являются коллажи Мастера, безостановочно движется вниз, неуклонно спускается в бездну. И только сейчас я начинаю понимать, почему во время съемок, пытаясь сначала сам сняться в роли Художника, не сделав и пары дублей, я провалился в трехметровую черную яму, разбив себе лицо. Я упал туда, чтобы понять сразу

и с физической достоверностью, куда, в какой ад необходимо сойти, чтобы обрести право и силу делать в искусстве, подобное Параджанову. Ведь большинство своих коллажных шедевров он создал в "аду" собственной жизни — когда ему не давали снимать, когда приходилось отбывать сроки в тюрьмах и зонах. Но сколько же счастья и детского ликования в этих бесчисленных работах, точно бы, творя их, Параджанов следовал слову, молитвенно услышанному в сердце своем преподобным Силуаном Афонским: "Держи ум твой во аде и не отчаивайся". О да, художник, как и святой подвижник, умом должен сойти во ад, погрузиться в темную бездну своей души, чтобы оттуда, из беспросветного мрака, победив страх и отчаяние, исполниться верой и творческим порывом воззвать о спасении к Богу. Из ветоши, из найденных в мусорных кучах осколков посуды, из тряпичных обрывков, из распавшегося бисера, словом, из пищи геены огненной создавая свой вечный праздник формы и образов, Параджанов-художник взывает к Всевышнему: "Ты видишь, Господи, я не отчаиваюсь — я из праха творю красоту, дабы подарить ее людям как залог великой надежды".

По моему глубокому убеждению, художественное творчество только тогда обретает свою полноту и силу, когда существом своим делает исповедь. И не случайно последний не снятый Сергеем Иосифовичем фильм называется "Исповедь". "Исповедь" он не снял, но настоящей исповедью стало все творчество Параджанова, иначе не открывались бы в нем бездонные глубины и кристально чистая небесная красота.

Уже прошло тринадцать лет, как с нами нет Параджанова. Возможно, он так и не успел сказать что-то самое важное. Но хочется верить, что, уходя, Сергей Параджанов навсегда примирился с миром, в котором жил и которому подарил всю мощь своего дарования, — с тем самым миром, что причинил ему столько страданий. И надо верить, что он всех и за все простил.

● Сергей Параджанов
Фото А.АНТИПЕНКО
● Работы Сергея Параджанова

Экран и сцена